ление русской литературы к реализму, согласно Салтыкову-Щедрину,— не столько стремление к овладению этим художественным методом, сколько стремление к всестороннему, всеохватывающему изображению окружающей писателей действительности в ее прошлом, настоящем и будущем, со всеми ее положительными и отрицательными сторонами и явлениями. Создание искусства такого содержания действительно было делом будущего.

«Тоска по идеалу» — эта движущая сила, этот пафос критического направления русской литературы XIX в., становится пафосом жизни и творчества Салтыкова-Щедрина. Проблема идеала как цели стремления литературы в ее развитии становится одной из центральных в его эстетике.

«Общественное значение писателя,— скажет Салтыков-Щедрин в одной работе,— (а какое же и может быть у него иное значение?) в том именно и заключается, чтобы пролить луч света на всякого рода нравственные и умственные неурядицы, чтоб освежить всякого рода духоты веяньем *идеала*. ...Да не подумает, однако ж, читатель, что мы требуем от писателя изображения людей идеальных, соединяющих в себе все возможные добродетели; нет, мы требуем от него совсем не людей идеальных, а требуем *идеала*. В „Ревизоре", например, никто не покусится искать идеальных людей; тем не менее, однако ж, никто не станет отрицать и присутствия *идеала* в этой комедии» (5, 185. Курсив мой.— *А. К.*). «...Для того, чтоб сатира была действительною сатирою и достигала своей цели,— подчеркнет в другой,— надобно, во-первых, чтоб она давала почувствовать читателю тот *идеал*, из которого отправляется творец ее, и во-вторых, чтоб она вполне ясно сознавала тот предмет, против которого направлено ее жало» (5, 430. Курсив мой.— *А. К.*). О чем бы ни говорил Салтыков-Щедрин, вопрос об идеале как отправной точке, вершине, критерии, оказывается для него решающим. Такого рода идеалом искусства, идеалом художественности и выступает в его теории реализм. Видеть в этом теорию «нового» реализма, который Салтыков-Щедрин противопоставлял реализму «старому», как это делал в свое время А. Лаврецкий [7], действительно, нет достаточных оснований.

Понимая, что рисуемый им идеал искусства «очень трудно достижимый», Салтыков-Щедрин не мог не коснуться вопроса, а что же реально должна и может делать русская литература, стремясь к воплощению этого идеала в действительность, стремясь к всеохватывающему реализму? Во-первых, всесторонне изучать и показывать жизнь народа: без этого вообще не может быть подлинного, истинного реализма. Правда, «проникнуть в эту среду,— отмечал он,— постичь побудительные поводы, которые обусловливают ее движения, определить ее жизненные цели — дело далеко не легкое. ...Над нею лежит бремя бедности, бремя невежества, бремя предрассудков и множество других зол, совокупность которых составляет своего рода завесу, делающую ее почти недоступною для непосвященного человека. И ежели за всем тем литература нашла-таки искомый доступ, если она успела проникнуть в сокровенное святилище этой бедной и темной жизни, то это одно уже составляет с ее стороны заслугу неоцененную» (9, 33).

Одной из главных задач, которую должен ставить перед собою художник, приступая к исследованию жизни народа,— задача уяснить «положительные типы русского простолюдина» (9, 34) и не только уяснить их, но и стараться вызвать их к широкой жизни, прозревая в процессе развития этих типов черты человека будущего.

Поиски положительных типов в окружающей русского художника действительности — это вторая реальная задача, по мере решения которой литература будет все более и более приближаться к своему идеалу. «Весь

---

[7] *Лаврецкий А.* Указ. соч., с. 111, 112, 118, 119.